Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 177–194
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-177-194
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 177–194
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. В. Никитина

Alla V. Nikitina

«ХОРОШАЯ СТАРИНКА» МАТРЕНЫ МЕНЬШИКОВОЙ

"A FINE BYLINA" BY MATRENA MENSCHIKOVA

Резюме. В статье рассматривается судьба сербской народной баллады «Йово и Мара», странным образом прижившейся в северо-восточном регионе Русского Севера. Она вполне отчетливо отражает трансформации, происходившие в эпической традиции региона на протяжении почти полутора веков — от времени поездки А. Ф. Гильфердинга по начало XXI в. включительно. Есть основание предположить, что благодаря этим изменениям севернорусская версия «Йово и Мары» и получила долгую жизнь. Подтверждение дают немногочисленные зафиксированные собирателями случаи вариантов ее исполнения. Внимание в них привлекает не только сам характер изменений, „переживаемых" этим произведением (смена жанровой формы, переадресация исполнения и перемена смысловых акцентов и др.), но и его восприятие исполнителями и отношение к нему собирателей и исследователей. Рассматриваемый материал потребовал обращения к первой фиксации — записи А. Ф. Гильфердинга «старины» о Йово и Маре от Матрены Меньшиковой 1871 г., а также постановки вопроса о соотнесенности записанного от нее фрагмента с известным переводом Н. Ф. Щербины; заставил коснуться нерешенной проблемы аутентичного источника этого перевода.
Ключевые слова: былина, баллада, сказка, Кенозеро, А. Ф. Гильфердинг, женский эпический репертуар, Ю. И. Смирнов, В. С. Караджич, Н. Ф. Щербина.
Информация об авторе: Алла Владимировна Никитина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, centsouffle@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0009-0008-1331-059X.
Для цитирования: *Никитина А. В.* «Хорошая старинка» Матрены Меньшиковой // Словесность и история. 2026. № 3. С. 177–194.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-177-194.

Abstract. The article addresses the fate of the Serbian folk ballad *Jovo and Mara*, which has curiously imbedded itself in the northeastern region of the Russian North. The fate of this ballade clearly reflects the changes that the region's epic tradition has undergone for nearly a century and a half — from A. F. Gilferding's trip there to the beginning of the 21st century. Evidence found in the scarce records of folklorists regarding variations in the performance of the ballad shows that on account of these changes, the Northern Russian version of *Jovo and Mara* has been able to persist for so long. These records are notable for the nature of the changes that the ballad has undergone (changes in its genre form, shifts to different types of performers, alterations in semantic stresses, etc.). They also reveal how the ballad has been perceived by its performers and the attitudes of folklore collectors and researchers toward it. An analysis of the material required recourse to the first fixation of the ballad, i. e., A. F. Gilferding's 1871 record of the *starina* (bylina) about Jovo and Mara, performed by Matrena Menshikova. The article reevaluates the correspondence between the recorded fragment and the notorious translation by N. F. Shcherbina and thus addresses the issue that the authentic source of this translation remains unresolved.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Keywords: epic song, ballad, folk tale, Keno Lake, A. F. Gilferding, women's epic repertoire, Yu. I. Smirnov, V. S. Karadzhich, N. F. Shcherbina.
Information about the author: Alla V. Nikitina, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, centsouffle@gmail.com; ORCID: http://orcid.org/0009-0008-1331-059X.
Received: November 10, 2025. ***Approved***: July 24, 2026.
For citation: Nikitina, A. V. (2026). '"A Fine Bylina" by Matrena Menshikova', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 177–194.

В «Неизданных материалах экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых („По следам Рыбникова и Гильфердинга“)» приведено начало песни, озаглавленной «Ёва да Мара», записанное в 1927 г. в кенозерской д. Вершинино от Матрены Александровны Лоскутовой:

Девушка Мара и Ёво, дите дорогое,
Одной водой умывались,
Одним полотенцем утирались.
Да один сон видали...
[Соколовы, т. 2, с. 204, № 146][1].

В комментарии указано, что «песня полностью не была записана» и что «текст в полном виде скорее принадлежит эпической поэзии, но в районе Кенозера исполнялся как семейная песня» [Соколовы, т. 2, с. 438]. Это объясняет помещение фрагмента в раздел «Песни любовные и семейные», но неясно, на чем основано утверждение, что «Йово и Мара», баллада по сути, исполнялась на Кенозере как «семейная песня». Подтверждений этому в опубликованных экспедиционных материалах нет; фрагмент мал, четкого понимания формы не дает, разница же между семейной песней (лирика) и семейной балладой (форма лироэпическая) есть. Внимание в связи с этим привлекает пояснение, данное к песне самой М. Лоскутовой: «Да видь она сказка-бывальщина. Да видь она поется. Какая-то стара бабушка пела — Меньшикова Матрена Григорьевна» [Соколовы, т. 2, с. 438][2].

В трех неполных фразах певице удалось обозначить суть изменений, происшедших в местной эпической традиции с момента фиксации А. Ф. Гильфердингом меньшиковской «Йово и Мары»: усиление женской составляющей в исполнении эпоса с ощутимой соответствующей коррекцией репертуара, редукция былинного эпоса, переход к формам лироэпическим (баллада, прежде всего) и прозаическим (пересказ и сказка).

[1] Запись сделана 8 июля Ю. М. Соколовым и С. П. Бородиным; фрагмент взят из полевой тетради С. П. Бородина (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 7. Тетр. 2. Л. 167–168).

[2] *Сказка, бывальщина, песня* — жанры разные, и такой гибрид, как поющаяся сказка, она же бывальщина, невозможен. *Бывальщина* здесь, скорее всего, в значении некогда бывшего случая; М. Лоскутова не нашла подходящего обозначения тому, что не являлось былиной, но понималось как быль и сказывалось (пелось).

Кенозерский прецедент

О записи в 1871 г. «Йово и Мары» от М. Г. Меньшиковой А. Ф. Гильфердинг рассказывает в своей обстоятельной статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», предваряющей публикуемые материалы «Онежских былин»[3]. Он приводит там фрагмент записанного текста, сопоставляя его с аналогичным фрагментом предполагаемого источника — «сербской песни» в переводе Н. Щербины. Примечательно, что среди представленных в «Онежских былинах» текстов «Йово и Мары» нет — ни этой, ни какой-либо другой записи[4]; лишь в информативной справке о М. Г. Меньшиковой есть замечание об исполнении ею этой старины[5] [Онежские былины, стб. 1233 (раздел LV)]. То есть «старинка» была записана (скорее всего, полностью), удостоена отнюдь не мимолетного упоминания во вводной статье, но в публикуемый эпический материал включена не была.

Вероятно, решение не публиковать меньшиковскую запись было принято самим А. Ф. Гильфердингом; Ю. А. Новиков и Ю. И. Смирнов, упоминая эту историю в заметке об экспедициях МГУ конца 1950-х гг., объясняли отстранение «старинки» отношением к ней А. Ф. Гильфердинга как к «курьезу» [Новиков Смирнов, с. 167]. Однако контекст его воспоминания о записи «Йово и Мары» от М. Меньшиковой, то, ради чего оно приводится, свидетельствует скорее о другом.

В этой части статьи А. Ф. Гильфердинг характеризует состояние эпической традиции региона: говорит о распространенности эпоса, о передаче сказительского мастерства и социальном статусе «рапсодов», касается мужского и женского репертуара, стиховых размеров и др., выстраивая цепочку взаимосвязанных проблем. Свои наблюдения и выводы он подкрепляет фактами: в частности, рассказывает, как записывал былины в исполнении «г-жи Георгиевской»[6], отмечая обстоятельства ее личного опыта в перенятии

---

[3] Статья была опубликована автором в 1872 г. в «Вестнике Европы» и включена (перепечатка) в издание «Онежских былин» 1873 г. редакторами, завершавшими его подготовку уже без А. Ф. Гильфердинга — в память об исследователе, как признание его заслуг, см.: [Онежские былины, с. IV]. Запись от М. Меньшиковой сделана 16 августа 1871 г. в кенозерской д. Немята (Немятова) [Гильфердинг, л. XIX].

[4] Записи нет и в полевых материалах А. Ф. Гильфердинга (НИОР БАН. 17.10.18. фол. 2).

[5] *Старина* — то же что *былина*; А. Ф. Гильфердинг использует оба термина без разграничения; но термин *старина* в то время распространялся и на баллады, «низшие эпические песни», по определению А. И. Соболевского («Великорусские народные песни», 1895).

[6] Справку об Авдотье Васильевне Георгиевской и ее репертуаре, ранее, по ее словам, более обширном, см.: [Онежские былины, стб. 1226–1227 (раздел LIV)]; две из трех записанных от нее былин попадают под определение «бабьи старины», что отображает произошедшие изменения и в сказительском составе региона, и в репертуаре.

сказительского мастерства (дочь иерея «от скуки» учила старины «с голоса» от старика-крестьянина, обшивавшего зимами ее семейство). Затем он приводит другой факт, не менее «замечательный», — воспоминание о записи былин от М. Меньшиковой[7].

Но начинает собиратель вовсе не с «Йово и Мары», он отмечает весомость меньшиковского сказительского «багажа»: «Я ⟨...⟩ записал былины про Илью Муромца, как он пришел в Киев каликою и стал поить „голей кабацкиих“, записал вариант редкой и единственно на Кенозеро слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича...»; только после этого он указывает, что Меньшикова «вдруг» сообщила, что «знает еще хорошую старинку, ⟨и⟩ запела:

Были юные Ово и девушка Мара,
Двое с трех лет выростали,
Одною водицей умывались... и т. д.,

словом, пропела с начала до конца всю предлинную сербскую песню про Иову и Мару в переводе Щербины» [Гильфердинг, л. XIX].

Судя по заданным Матрене Григорьевне вопросам и последовавшему комментарию, А. Ф. Гильфердинг отнесся к исполнению неожиданной «старинки» серьезно, посчитав фактом не только «замечательным», но и «знаменательным», демонстрирующим и феномен сказительской памяти — чужая «предлинная песня», «имеющая чуждый русскому уху склад стиха», «пересыпанная непонятными словами», была воспринята «на слух» и воспроизведена «безграмотною кенозерскою крестьянкою», — и живое владение традицией сказывания: «она в состоянии была пропеть всю сербскую поэму так же плавно и без запинки, как какую-нибудь родную былину. Она применила сербский стих к нашему эпическому складу...» [Гильфердинг, л. XIX].

Отношение М. Меньшиковой к своей «старинке» («хорошая») и объяснение, что «научилась» ей от старших («от стариков наших слыхала, отец и другие старики певали»), скорее всего, действительно свидетельствуют о том, что она «уже не отличала» освоенного заимствования от былин родной традиции. Если только не усматривать в этом желание подтвердить, что ее «старинка» — настоящая: так, дескать, пели и прежде.

Комментирование А. Ф. Гильфердинг завершает вопросом-утверждением: «Не показывают ли эти факты, что там, на Кенозере, воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии, что эта поэзия там не только не вымирает, а даже еще ищет себе новых предметов?» [Гильфердинг, л. XIX–XX].

[7] А. Ф. Гильфердинг указывает, что А. Георгиевская с М. Меньшиковой были ровесницами и приятельствовали, но репертуар их разнится. Записи от обеих датированы одним днем (16 августа), однако проводились по отдельности, и М. Меньшикова явно пела после своей подруги, так как нет даже упоминания о знании А. Георгиевской «Йово и Мары».

Едва ли можно согласиться с тем, что меньшиковское исполнение «Йово и Мары» было воспринято А. Ф. Гильфердингом как «курьез». То, что «старинка» не вошла в публикацию «Онежских былин», объясняется строгостью отбора материалов: текст чужой, хоть и распет как свой, а случай единичный. Но по сей день непроясненными в этой истории остаются щербининский перевод и вопрос об аутентичном источнике «Йово и Мары».

Проблема источника

Объяснение М. Меньшиковой, что она «слышала» (= переняла) «старинку» «от стариков», ввести А. Ф. Гильфердинга в заблуждение не могло; перевод Н. Щербины как источник «старинки» он, судя по всему, определил еще в процессе записи[8]. И его предположение, что кто-то из знавших грамоту близких, скорее всего сын[9], прочитал неграмотной Матрене Григорьевне щербининский перевод «Йово и Мары» и тот пришелся ей по душе и вдохновил на распев[10], представляется убедительным.

Не с целью подтвердить, что «старинка» идет от щербининского перевода, а в подтверждение живого состояния местной эпической традиции А. Ф. Гильфердинг приводит «для сличения» начальные фрагменты «сербской народной поэмы»[11] — «в устах Матрены Меньшиковой» («как ее усвоила себе кенозерская крестьянка») и «печатный текст Щербины» [Гильфердинг, л. XIX–XX].

Сопоставление меньшиковской «старинки» (далее — М) и щербининского перевода (далее — Щ) выявляет следующие схождения-расхождения:

---

[8] На тот момент перевод был в активном доступе по региону уже около шести лет: сборник «Пчела» с ним вышел в 1865 г. и был рекомендован Министерством просвещения в качестве обязательного пособия для сельских и воскресных школ («для народного чтения и употребления при народном обучении») [Смирнов 1965, с. 54–55].

[9] Грамотными были и отец М. Меньшиковой (что и как сказывать, она переняла от него), и муж, и сын; но версия с сыном наиболее логична: Меньшиковой на момент записи «около 40», т. е. учеба сына в недавнем прошлом, и их д. Немята расположена невдалеке от Кенозерского погоста, где была единственная на всю округу приходская школа [Смирнов 1965, с. 54–55]. Там, в Кенозерском погосте, А. Ф. Гильфердинг записывал А. Георгиевскую.

[10] Вероятность распева «Йово и Мары» самой М. Меньшиковой высока, во всяком случае, ни от кого из кенозерских сказителей, кроме нее, «старинка» тогда записана не была. Как отметил Ю. И. Смирнов, «к сожалению, А. Ф. Гильфердинг не попытался выяснить подробно историю явно местной обработки перевода баллады, исполненной М. Г. Меньшиковой, и обнаружить других возможных исполнителей ее» [Смирнов 1965, с. 55].

[11] Как «сербскую народную поэму» определяет свой перевод Н. Щербина: «Она названа мною не песней, а поэмой, потому что заключает в себе полный замкнутый круг жизни и все внешние художественные приемы эпической поэмы, встречающиеся только в большом и строго-организованном произведении народного эпоса» [Щербина, с. 15].

— оба фрагмента начальные, прерываются в одной и той же точке сюжета — дана завязка конфликта: юноша и девушка с трех лет любят друг друга; они во всем едины, у них все общее (вода для умывания и полотенце, сны, сила чувств), но он богат и родовит, а она — сирота и бедна; об их любви узнает мать юноши, она требует от сына забыть любимую и прочит ему в невесты другую; объем фрагментов разнится — 38 стихов (М) vs 49 из 358 стихов всего перевода (Щ);

— различия в порядке следования сюжетных элементов, например, сообщение о несоответствии влюбленных по социальному статусу в одном фрагменте идет после описания их совершенств (Щ, ст. 26–28), в другом описанию предшествует (М, ст. 8–10);

— смещение и сжатие стихов у Меньшиковой, например: *Двое милых, любясь выростали*: / *Юный Иово да девушка Мара*, / *С малолетства от третьего года*... (Щ, ст. 1, 2, 3), и: *Были юные Ово и девушка Мара,* / *Двое с трех лет выростали*... (М, ст. 2, 1+3);

— расхождения в организации стиха (прежде всего размер), ср. приведенные выше строки: Щ, 10/10/10 — десятисложник, «обыкновенный эпический размер — хорей с дактилическим окончанием» [Гильфердинг, л. XXXIV] (на л. XXXIII дается сравнение с эпическим размером южных славян)[12]; М, 12/8 (А. Ф. Гильфердинг о распеве Меньшиковой: «она применила сербский стих к нашему эпическому складу, притягивая хореическое окончание, так что оно занимало темп дактиля» [Гильфердинг, л. XIX])[13]. По словам Щербины, его перевод сохранил размер и ритм сербского оригинала, Меньшикова же распела щербининский стих как «родную былину» [Там же]. Так что же сделала Меньшикова: «распела» перевод сербского стиха в родной эпической традиции или «применила сербский стих» к ней?

— описания у Меньшиковой менее развернутые, чем у Щербины, например, описание достоинств Мары занимает 14 стихов (Щ, ст. 16–25) vs 4 стиха (М, ст. 11–14);

— впечатляет памятливость Меньшиковой: почти дословно воспроизводятся многие стихи перевода, ср.: *Любо в очи друг другу глядели,* / *Будто солнце в глубокое море*... (Щ, ст. 8–9) — *Так любо друг другу в очи смотрели* / *И как солнце в глубокое море*... (М, ст. 6–7);

[12] Считается, что с разнообразием «старых стиховых размеров» и нечеткостью их разграничения связано принятое В. Караджичем деление публикуемых песен на «женские» и «мужские», которое он обосновал народным видением: «...все те песни, в каких нет десяти слогов и какие не поют под гусли, простые сербы называют „женскими песнями“» (цит. по: [Смирнов 1987, с. 8]); дополнение и в некотором смысле опровержение см.: [Смирнов 1987, с. 440, коммент.].

[13] О метре и ритме стиха «Йово и Мары» см. работу А. М. Петрова, посвященную русским переводам этой сербской баллады, включая перевод Н. Щербины [Петров 2023].

— у Меньшиковой отсутствуют некоторые стихи Щербины, например: *Их увидишь, — так радостно станет; / Скажешь, это василек со тмином*... (Щ, ст. 4–5); *Пели песню одну вечерами*... (Щ, ст. 10); *Тоньше стана ее не найдется, / Миловидна, что горная вила*... (Щ, ст. 19–20) и др.; вм. *василек*, особенно в сочетании с тмином, „просится“ *босилек* (*серб.* базилик); а *горная вила* — скорее *вила лесная* (*серб. гора* — лес; гора — *планина*);

— различия в использовании лексики, например: *майка* (*серб.* мать) воспроизводится Меньшиковой, но отсутствует в соответствующем стихе Щербины (равно как и во всем рассматриваемом фрагменте, однако в полном тексте перевода слово есть): *Донес он Иовановой майки, / Говорит-де Иовану эта майка*... (М, ст. 26–27) и: *Мать Иована те слышала речи; / Злясь на Мару, сказала Иовану*... (Щ, ст. 37–38); а также стилистические расхождения (лексика перевода, стилизованная под фольклорную, vs лексики неграмотной носительницы фольклора, перевод воспроизводящей)[14], например: *промолвить* (Щ) = *говорить* (М); *да* (Щ) = *и* (М); гибка *что* (Щ) = гибка *как* (М) и др.

Поскольку в представленном к «сличению» меньшиковском фрагменте 38 стихов, а полным текстом «старинки» мы не располагаем, судить о степени ее соответствия щербининскому переводу можно, лишь полагаясь на мнение А. Ф. Гильфердинга.

Сравнение фрагментов подтверждает в целом оценку Ю. И. Смирнова, который считал перевод Н. Щербины «пространным», наполненным «литературными реминисценциями, подражающими стилю русского фольклора»; меньшиковский же фрагмент, по его мнению, «выглядит стройнее, в нем удалены многие „лишние“ велеречивые места» [Смирнов 1965, с. 55]. Но, помимо недостатков собственно перевода Н. Щербины, Ю. И. Смирнов указал еще один, весьма существенный, — отсутствие «рукописного списка сербской баллады, с которого сделан перевод» [Смирнов 1965, с. 54–55 (примеч. 6)].

Странности перевода

В примечаниях к переводу Н. Щербина подчеркивает распространенность сербской[15] песни: «...в разных вариантах поется повсеместно, где только

[14] См. в примечаниях Н. Щербины о трудностях перевода: «...нужно было избегать и общеупотребляемого у нас стихотворного языка, и, во многих случаях, простонародного русского языка с его особенностями, чтобы, сохраняя своеобразную простоту подлинника, не свеять характеристических оттенков его в выражении, тоне и содержании, исключительно свойственных известной народной словесности» [Щербина, с. 16].

[15] Или все же боснийской, причем не боснийских сербов-христиан, а принявших ислам? Собрание В. Ст. Караджича названо «Сборник *сербских* народных песен», однако, как сам он указывал, под сербами понимаются «все народы сербскохорватского ареала, различающиеся между

находится сербское народонаселение», — и упоминает четыре ее варианта из «Сербских народных песен» В. Ст. Караджича (№ 342–345) [Караџић, с. 240–259], сообщая, однако, что ни один из них не является источником его перевода. В качестве оригинала он указывает некий пятый вариант (история почти детективная): «В первый раз В. С. Караджич слышал эту песню в Тершине, в Далмации, от турецкого цыгана из Боснии; но, к сожалению, не записал ее со слов цыгана, тем более, что его песня ⟨...⟩ оказалась впоследствии и самой большою, и самой лучшею в эстетическом отношении между многими вариантами этого произведения народной сербской поэзии. Один известный русский славянист, назад тому лет 15, возвратясь из путешествия по славянским землям, привез с собою рукописный список этой песни, превосходящий во всех отношениях упомянутые четыре списка, напечатанные В. С. Караджичем. Можно полагать, что песня, слышанная им от цыгана и почему-то не записанная, записана нашим ученым славянистом, с рукописи которого (до сих пор не напечатанной) и переведена предлагаемая теперь русским читателям сербская народная поэма Йово и Мара, то есть: Иван и Марья» [Щербина, с. 18][16].

По меньшей мере странно: указать сербские варианты, сообщая при этом, что ни один не является источником перевода, и не указать имя «славяниста», записавшего текст-источник, не дать информацию о местонахождении рукописи, с которой делался перевод, — повод усомниться в существовании такого источника.

Сопоставление вариантов из собрания В. Ст. Караджича (№ 342, 343–345) и перевода Н. Щербины дает мало соответствий, но и сами сербские варианты ощутимо разнятся. На это указывал и сам Караджич, он отметил не только обилие существующих сербских вариантов, но и то, что они могли исполняться по-разному, с различными отклонениями от традиционного сюжета (архаичного, международного, «бродячего»), различаться набором основных мотивов и их подачей.

Так, например, сюжетная версия № 342 («Смрт Ивана и Јелине») существенно расходится с традиционной сербской и с переводом Н. Щербины: бра-

собой лишь по вероисповеданию... и по местам расселения» (цит. по: [Смирнов 1987, с. 9]). Йово и Мара — имена, данные героям Н. Щербиной, ни в одном из вариантов этого сюжета у Караджича таких нет, а там, где имена есть, они тюркские — Омер и Мери(й)ма (отдельный случай — Иван и Јелина (№ 342)).

[16] Отметим, что часть истории, касающаяся Караджича, изложена им самим в примечании к № 342 «Смрт Ивана и Јелине». Относительно «известного русского славяниста» есть предположение, что речь идет о И. И. Срезневском [Петров 2023, с. 11]; по сей день рукопись оригинального источника перевода остается необнародованной (видел ли ее еще кто-нибудь, кроме Щербины?), и местонахождение ее неизвестно.

ку влюбленных противится мать Елены, поскольку юноша незнатен и беден → огорченная материнским отказом Елена предлагает Ивану посвататься к ее двоюродной сестре → поначалу он отвергает предложение, но затем отправляет сватов к нелюбимой и получает согласие → узнав об этом, Елена вешается, а Иван с горя умирает на ее могиле → их хоронят рядом, и спустя время на могиле вырастает *бор* (*серб*. сосна), который обвивает «винная лоза».

№ 343 — единственный из рассматриваемых вариантов имеет название «Смрт Омера и Мериме»; он воспринимается как сильное сокращение того, что перевел Н. Щербина (101 стих vs 358 стихов Щ), в нем отсутствуют:

— полюбившийся русским исполнителям фрагмент про одну воду для умывания, одно полотенце для утирания, один и тот же сон (этого фрагмента нет ни в одном из упомянутых Н. Щербиной сербских вариантов);

— подслушанные матерью Омера признания влюбленных, толкающие ее на действия;

— объяснение Омеровой матери Фатиме, отчего сватовство происходит без жениха — из страха перед «горной вилой, ⟨...⟩ что злато с коней выбивает» и может убить Омера;

— материнская угроза проклясть непокорного ее воле сына, который «нейдет» встретить прибывшую невесту — принять с коня «Атлагича Злато»[17];

— прощальный визит Омера с тамбуром (музыкальный инструмент типа мандолины) под окна Меримы;

— выросшие на могиле влюбленных деревья, сплетающие свои ветви, — символ соединения после смерти; и др.

Название вариантов № 344 и № 345 афористическое, что-то вроде «желал одно, получил другое», имена Омер и Мерима — только в тексте. Вариант № 344 короткий и дает частичное соответствие щербининскому переводу: начало сжато в один стих (*Омер љуби Мериму девојку*...), нет фрагмента об общих у влюбленных воде, полотенце, сне; и нет заключительного фрагмента с деревьями, сплетающими ветви над их могилой; есть отклонение — несчастная Фат(им)а здесь не дочь Атлагича, а его сестра.

№ 345 показывает значительное соответствие переводу (даже по объему — 230 стихов); скорее всего, этот вариант и надо считать основой щербининской «сербской народной поэмы». Только в нем есть вошедшие в перевод:

[17] В переводе устойчивое сочетание «Атлагича Злато» едва ли не постоянный эпитет Фатимы (по объяснению Н. Щербины, дочь — самое ценное, что есть у главы именитого рода Атлагичей). По всему тексту перевода *Злато* ставится рядом с *Атлагич* в постпозиции и с прописной (имя собств. — Злат(ан)?). В рассматриваемом варианте Фатима — дочь нового сердара, упоминания рода Атлагичей и ее принадлежности к этому роду нет, возможно, поэтому указанное сочетание там не встречается ни разу.

розы, выпадающие из волос Меримы[18], как предвестье беды; выросшие на могиле влюбленных *бор* (из Омера) и обвивающая его *борика* (из Меримы) как знак их соединения по смерти; растущая по обе стороны их могилы чемерика[19] как символ горя и печали. Но есть здесь и то, чего нет в переводе, — о женитьбе и смерти Омера Мериме сообщает ее младшая сноха: *Ал' говори мила снаа њена: / «Да Бога ти, мила заовице! / Зар ти не знаш за Омера твога? / Омер ти се другом оженио... / ⟨...⟩ Сада мртва Омера ти носе...»* [Караџић, с. 258–259].

В собрании В. Ст. Караджича имеется также «не учтенный» Н. Щербиной вариант «Смрт драге и драгога» («смерть влюбленных») [Караџић, с. 239 (№ 341)]. Эта версия воспринимается как усечение традиционной сербской версии: все сконцентрировано на невозможности разлучаемых жить друг без друга — они договариваются о смерти (сегодня ты умри, завтра — я) и умирают, как договорились; их хоронят вместе, и спустя время на могиле поднимается *бор* (сосна), который обвивает *ружица* (роза). Но именно в этом варианте, единственном из всех, есть фрагмент, который вошел в перевод Н. Щербины (*Два се драга врло миловала, / На једној се води умивала, / О један се пешкир отирала...* — одна вода, одно полотенце...) и стал одним из основных маркеров русских вариантов «Йово и Мары».

Здесь впору задаться вопросами: какой из отмеченных вариантов мог бы быть определен как сербская национальная версия? Какие параметры были бы в этом случае определяющими? И может ли перевод Н. Щербины считаться переводом той самой сербской национальной версии?

Русские варианты

«Тем удивительнее, — справедливо указал Ю. И. Смирнов, — может показаться факт фольклорного распространения сербской национальной версии этого сюжета в переводе Щербины на Русском Севере» [Смирнов 1965, с. 54–55]. Уточним, что под Русским Севером имеется в виду довольно ограниченный регион: Кенозеро, Водлозеро (Пудога), Пинега, Карельский и Терский берега Белого моря. Обнаруженные варианты «Йово и Мары» определяются как точечные, что не позволяет предполагать распространение

[18] У балканских народов, как и у греков, розами было принято украшать волосы невесты; при этом розы были также знаком траура, ими убирали тела умерших и гробницы.

[19] Внятного объяснения, что за растение *чемерика / чемерица*, Н. Щербина не дает; но, по-видимому, название происходит от греч. *чемерис*, т. е. кипарис, который считался символом скорби и траура (миф о превращении в кипарис горюющего юноши изложен Овидием в «Метаморфозах»). Греки в знак печали традиционно сажали у могил кипарисы.

«сербской народной поэмы» по региону из некоего единого центра[20]; и фактически все обнаружения являются случайными, так как целенаправленных поисков не велось.

При этом есть все основания видеть в перипетиях судьбы «Йово и Мары» в рассматриваемом регионе (начиная с интереса исполнителей эпоса к переводной сербской песне и заканчивая трансформацией форм ее бытования) отражение пережитых эпической традицией Русского Севера изменений[21], которые выявляли и исследовали Ю. М. и Б. М. Соколовы, В. Н. Чичеров, А. М. Астахова, Ю. И. Смирнов, Ю. А. Новиков и др.

Все известные варианты имеют книжную основу[22], их принято считать идущими от перевода Н. Щербины — текста в стиховом оформлении, прошедшего основательную литературную обработку, напечатанного и предназначенного для чтения. Возможно, есть причина пересмотреть значение меньшиковской «старинки», так как это не только первая фиксация, с которой начинается история севернорусских вариаций «Йово и Мары», это первый распетый вариант. То, что было проделано М. Меньшиковой, сродни распространенному в народной среде приему перенятия «с голоса»: услышал, усвоил, воспроизвел. Только воспринятый сказительницей на слух текст был не пропет, а прочитан, она адаптировала стих к сказыванию, распела в местной эпической традиции, как «какую-нибудь родную былину».

«Йово и Мара» — баллада, главное в этой специфической повествовательной форме — трагическая коллизия, и доступный к анализу фрагмент «старинки» это подтверждает. В нем есть то, что захватило М. Меньшикову в истории Йово и Мары, — сила их любви, фатальная предназначенность друг другу[23], эмоциональный всплеск; а также жесткость традиционных семейно-родовых отношений с правом родителей решать судьбы детей.

---

[20] Известно предположение А. В. Маркова, считавшего, что подобным центром мог быть Сумский Посад [Смирнов 1965, с. 56].

[21] Данные по необратимым процессам в эпической традиции Русского Севера в XIX–XX вв. см.: [Смирнов 1974, с. 78–81].

[22] Обращение к книжному тексту как источнику Ю. И. Смирнов объяснял эффектом компенсации — восполнение лакун в отмирающем эпосе за счет заимствования сюжетов преданий и сказок, своих и чужих, в том числе переработанных лубочных, книжных [Смирнов 1965, с. 58].

[23] Из сохраненных переводом маркеров предназначенности влюбленных друг другу и невозможности их разделения ни в жизни, ни в смерти, во фрагменте М. Меньшиковой есть лишь три — вода, полотно, сон (*Одною водицей умывались*, / *Однем полотном утирались*, / *Один же сон ночью видали*...). Их происхождение архаичное, в разных традициях все три могут, например, проявляться на разных стадиях обрядов перехода и в связанных с ними верованиях. Русской предсвадебной, свадебной и постсвадебной обрядности известны: сон на жениха / невесту (гадание); сон невесты

Однако то, что позволило проводить параллели с «Василием и Софьей», «русской национальной версией» «Йово и Мары»[24] [Смирнов 1965, с. 54], — апофеоз любви, побеждающей смерть **(***Их в могиле одной схоронили… Из Йована вырос бор зеленый, / А борика*[25] *выросла из Мары, / И по бору вилась та борика…* (Щ, ст. 339, 350–352)**)**, — к сожалению, осталось за пределами меньшиковского фрагмента. Равно как и эпизод прощального поцелуя (Мара целует умершего Йово и падает на землю бездыханной), благодаря которому сюжет вошел в СУС как –365 С* ‘Поцелуй возлюбленной (Омер и Мерима)’. В меньшиковском фрагменте этих эпизодов нет, но, если верить Гильфердингу, в полном тексте «старинки» они были, и они есть в щербининском переводе и в записанных полных прозаических вариантах «Йово и Мары» позднего времени.

Со времени «после Гильфердинга» до начала XXI в. варианты «Йово и Мары» находили и фиксировали как в форме стиховой (песенной), так и в форме прозаической или совмещающей стих и прозу — в виде сказки или пересказа. В каждой из фиксаций значение имеют место и время, а также пол и возраст исполнителей, но особого внимания заслуживают форма исполнения, от кого и как был перенят текст и отношение к нему исполнителя. Информация о фиксациях в хронологическом порядке может быть представлена следующим образом.

- Почти через 40 лет после А. Ф. Гильфердинга бытование «Йово и Мары» в Сумском Посаде (Карельский берег) и в Поное (Терский берег) отмечает А. В. Марков: «…я напал на следы любопытного факта, отмеченного Гильфердингом… В Сумском Посаде лет 35–40 тому назад (т. е. примерно

на ожидающую ее в замужестве жизнь; вливание новобрачной «своей» воды в общий умывальник, чтобы быстрее стать своей в семье мужа; представление, что если муж и жена утираются одним полотенцем, то быть им вместе и после смерти.

[24] Примечательно мнение Ю. И. Смирнова: «Что же касается Кенозера, где баллада „Василий и Софья“ очень популярна, то там „Йова и Мара“ не смогла прижиться» [Смирнов 1965, с. 58]. Однако первая запись «Йово и Мары», меньшиковская, была сделана на Кенозере; и поздние фиксации вариаций сюжета сербской баллады, полных (проза) и в виде фрагментов (стих), подтверждают ее бытование на Кенозере. А что касается «русской национальной версии», можно возразить, что при формальной соотнесенности «Василия и Софьи» с сюжетом о гибели влюбленных по вине родичей, она ближе к другой сербской балладе — «Мать-отравительница» [Караџић, № 417].

[25] Перевод точен (см. № 345), но здесь пример переосмысления символики: он (*бор* = сосна м. р.) и она (*борика* = сосна ж. р.) вместе и после смерти: поднимаются из одного корня или соединяются вершинами (вар. — борика (лоза, роза и т. д.) обвивается вокруг бора, словно обнимает любимого). Но *борика* — не сосна, это *омела белая*; в большинстве европейских традиций есть поверье: поцелуй под омелой обещает скорый брак.

в 1870-х гг. — *Ю. С.*) дети распевали эту былину по книге «Пчела»; что же касается напева, то он кем-то был придуман и передавался от одних детей к другим. В 1903 г. я слышал эту старинку на Терском берегу, в с. Поное» (цит. по: [Смирнов 1965, с. 55–56]). Слышал, но не записал.

• В 1927 г. (7–8 июля) в д. Вершинино (Кенозеро) Ю. М. Соколовым и С. П. Бородиным от М. А. Лоскутовой (59 лет) был записан фрагмент — четыре начальные строки «песни» про Йово и Мару. Поскольку и собирателями, и исполнительницей четверостишие определяется как начало *песни*, можно предположить, что фрагмент был пропет. При этом, если обратить внимание на репертуар М. А. Лоскутовой, фиксаций песен от нее нет, были записаны: 1) *духовные стихи* «Голубиная книга», «Егорий Храброй», «Егорий и Олисафия» и «Олексей человек Божий» [Соколовы, т. 1, с. 51 (№ 16), с. 79 (№ 29), с. 102 (№ 39), с. 162 (№ 65)]; 2) *баллады* «Братья-разбойники и сестра» (контаминация с сюжетом о татарском полоне), «У Дунюшки было у голубушки» (аналог «Князь Роман жену кончал»), «Василей и Софья» (прионежский вариант), «Михайла и рябинка» (запись продублирована) [Соколовы, т. 1, с. 297 (№ 179), с. 317 (№ 196), с. 339 (№ 219), с. 357 (№ 238 и 263)].

• Два свидетельства о бытовании разных, но взаимосвязанных форм «Йово и Мары» на Пинеге и на Терском берегу приводит в своем сборнике «Пятиречие» (изд. 1931 г.) О. Э. Озаровская, это: 1) записанная ею в 1925 г. от Т. О. Кобелевой, 70 лет, *сказка* «Моряжка» (примечателен подзаголовок — «как быдто быль бывала»); в 1930-х гг. Н. И. Рождественская там же, в д. Юбра Пинежского р-на, сделала от Т. О. Кобелевой повторную запись «Моряжки» (публ. 1941 г.); 2) упоминание записи «стиха» про Йово и Мару Е. М. Тагер летом 1930 г. в с. Поной Мурманского округа от А. Ф. Совкиной: «...этот „стих“ (так зовут там *былины*) является колыбелью „Моряжки“, которую было бы правильно назвать Маряшка. А. Ф. Совкина 47 лет, неграмотная, выучила этот „стих“ 20 лет назад от старухи с Терского берега» [Озаровская, с. 409–410, коммент.; характеристика «Моряжки»: «своего рода уника, как прозаическая форма...»].

• Участники экспедиции МГУ 1957 г., Ю. И. Смирнов и Ю. А. Новиков, в д. Гольяницы на Водлозере (Пудожский р-н) записали от 90-летнего старика В. В. Воробьева длинную *сказку* «про Ова-молодца и девушку Мару». Запись случайная — цели найти нечто подобное не было, рассказать исполнитель сам предложил, но, как отметил Ю. И. Смирнов, «поразило нас, что в сказке ⟨...⟩ совершенно заметно присутствовали обороты, свойственные эпосу». Отвечая на расспросы, В. В. Воробьев сообщил, что слышал сказку в Ладожском

Скиту (не существующее ныне поселение в 30 км к северу от Водлозера), где он жил «до 16 лет, т. е. до 1887 года» [Новиков, Смирнов, с. 167–168][26].

• В том же 1957 г. аспирант Пушкинского Дома Д. М. Балашов записал начало *песни* про Йово и Мару. Запись была сделана в д. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от А. Е. Елисеевой, 49 лет. Фрагмент небольшой — девять начальных стихов, а затем досказывание прозой в два коротких предложения; во вполне традиционной стиховой части привлекает внимание привнесенная исполнительницей вставка: *Они друг друга любили, / В одной школы они учились*... (ст. 4 и 5). Во время записи она сказала: «Стих-то он долгой-то, он красивый был, а теперь не знаю...» и «Бабка пела этот стих, не от нее ли записан? У нее записывали стихи», см.: [Смирнов 1965, с. 58, прил. (№ 1)][27].

• В августе 1962 г. в пос. Октябрьский Каргопольского р-на И. Носкова записала от Е. И. Тишининой (67 лет, неграмотная, уроженка кенозерской д. Першлахта) длинную *сказку* «Ваня да Маня» с лексикой и угадывающимися стиховыми формулами: «Жили два юных Ваня да Маня. С трех лет любы выростали, одной водицей умывались, однем полотенцем вытирались, один сон ноцью видели, одну писню вицерами пивали...»; с эпизодами, отсылающими к переводу Н. Щербины (отказ Вани ехать свататься, диалоги Мани с матерью, письмо-завещание и др.), с приведением переосмысленных сербских слов (вила, бор, борица и др.). К сожалению, осталось не выяснено, от кого был перенят текст и какова была форма текста-источника [Смирнов 1965, с. 57, 59, прил. (№ 2)].

• В 1972 г. в с. Колежма Беломорского р-на Карелии А. П. Разумовой и Е. И. Русаковой от Ф. И. Мыхиной (68 лет) записан текст про Ово и девушку Мару, представляющий собой прозаический *пересказ* щербининского перевода[28]; и при этом рассказчица сообщила: «Старухи пели... ⟨...⟩ Они пели как-то... голосом... Мы-то уже того не слышим... Я от бабки одной слыхала...» (цит. по: [Петров 2026, с. 115]). В 1981 г. А. П. и И. А. Разумовыми была

[26] Запись была утрачена, причем еще до расшифровки собранных экспедицией материалов; повторить запись или обнаружить в регионе иные следы «Йово и Мары» последующим экспедициям МГУ 1958–1960 гг. не удалось [Смирнов 1965, с. 57].

[27] Сообщение о записи, но без ее публикации, Д. М. Балашов дает в обзоре экспедиций: [Балашов, с. 419–420]. Сам текст записи он позже передаст Ю. И. Смирнову, и тот его опубликует, см. об этом: [Смирнов 1965, с. 56, примеч. 17].

[28] Примечательно, что данный текст был атрибутирован собирателями как легенда, см.: [Петров 2026, с. 111]. А. М. Петровым предложено развернутое определение колежминских пересказов: «устный прозаический пересказ любовной баллады» [Там же], но оно уводит от очевидной связи этих пересказов с щербининским переводом.

сделана от Ф. И. Мыхиной повторная запись [Петров 2026, с. 115–116], с внесенными рассказчицей изменениями, на наш взгляд лишь подтверждающими связь с переводом Н. Щербины. Другим подтверждением являются встречающиеся в обоих пересказах Ф. И. Мыхиной остатки ритмического оформления — «следы стихотворного оригинала» [Петров 2026, с. 111]. Тогда же (29.06.81) в с. Колежма был записан еще один пересказ щербининского перевода от З. К. Спицыной, 1911 г. р. [Петров 2026, с. 116]; текст подзабыт, и потому изложение сбивчивое, с выпусканием эпизодов, возвратами, потерей связующих элементов; но это не исключает общего источника с пересказами Ф. И. Мыхиной.

• В 1982 г. в д. Горы Плесецкого р-на (Кенозеро) Н. Н. Захаровой, И. Глухих и М. Ожеговым записана от А. И. Спициной, 1906 г. р., *сказка* «Ова и Мара», которую определили как волшебную [Дранникова, с. 64–66]. В повествовании при этом немало элементов, предполагающих знание былин и духовных стихов, но больше удивляет точность передачи рассказчицей перевода Н. Щербины, с воспроизведением его лирических отступлений и характерных мелочей, — не волшебная сказка, а пересказ с элементами сказки.

• Летом 2001 г. в д. Семёново (Кенозеро) Н. М. Ведерниковой от А. С. Третьяковой, 84 лет, была записана *сказка* «Иван и Машенька». Собиратель указала, что исполнительница рассказывала сказку частью стихами, частью прозой, так, как запомнила ее в детстве: «Это я слышала от старинной бабушки — Агафьи Александровны Филипповой (д. Горбачиха). Она рассказывала. Вот тут не все. Я маленькая была. Она словами говорила. Это сказка была. Она называла ее не «Ваня да Маша», а «Иван да Мара». Она интересная. Я как будто запомнила, все детям рассказывала»; начиналась сказка так: «Жили-были Маша и Ваня в одной деревне, с трех годов любилися, в одной умывальне умывалися, одним полотенцем вытиралися, один сон по ночам видали, одну песню вечерами певали...» [Ведерникова, с. 98–99, 135–136].

* * *

Не углубляясь в детальный анализ приведенных фиксаций вариантов «Йово и Мары» в рассматриваемом регионе, укажем лишь общие результаты.

Во-первых, сами фиксации малочисленные — 14 обнаружений за почти столетний период (1903–2001), и определяются по времени и месту **(**Кенозеро, Водлозеро (Пудога), Пинега, Карельский и Терский берега Белого моря**)** как неровные, точечные:

— кенозерских с учетом меньшиковской «старинки» — 5 фиксаций: д. Немята (1871), д. Вершинино (1927), д. Першлахта (1962)[29], д. Горы (1982), д. Семёново (2001);

— утерянная водлозерская запись (1957) учитывается условно, так как о ней есть лишь информация собирателей;

— 2 пинежские фиксации — записи от одной исполнительницы из д. Юбра (1925; 1941); 1941 г. — публикация повторной записи, сделанной другим собирателем в 30-х гг., дублирующей запись 1925 г.;

— из 3 фиксаций с Терского берега — с. Поной (1903; 1930), д. Тетрино (1957) — действительной является только тетринская; обе понойские условны, так как в 1903 г. записи не было, только упоминание А. В. Маркова о бытовании там «старинки», и о записи «стиха» в 1930 г. есть только упоминание у О. Э. Озаровской, публикации не было, и информация о ее местонахождении отсутствует;

— 4 фиксации с Карельского берега — Сумский Посад (1870-е гг.), с. Колежма (1972; 1981 — две); фиксация в Сумском Посаде условная — это марковское упоминание о бытовании (1910); одна из колежминских записей 1981 г. является повторной, но дублем ее считать нельзя, так как она содержит изменения; следовательно, учитываются три пересказа.

Итог: благодаря условным фиксациям, утраченным записям и дублям, 14 фиксаций сокращаются до девяти; Водлозеро как точку фиксации можно снять (утерянная запись от В. Воробьева в Гольяницах была случайной, других не было); основным местом бытования, с учетом временны́х показателей записей, остается Кенозеро; основным временем фиксаций — 2-я половина XX в.

Во-вторых, полноценных текстов, не фрагментов и не усеченных, — 10 записей, включая утраченные водлозерскую сказку (1957) и понойский «стих» (1930). Без учета этих утраченных, все полные записи — варианты прозаические и поздние:

4 сказки — три кенозерских (1962, 1982, 2001) и одна продублированная пинежская (1925, 1941), как минимум в трех из них есть фрагменты с остаточным ритмическим оформлением, отсылающие к стиху щербининского перевода;

3 записи из с. Колежма определяются как пересказы сюжета перевода Н. Щербины, и в них также присутствуют следы остаточной ритмизации. В связи с этим примечательно определение О. Э. Озаровской утраченного

[29] Формально фиксация каргопольская, так как запись была сделана в пос. Октябрьский Каргопольского р-на, но указываем ее как кенозерскую, поскольку Е. И. Тишинина родом из кенозерской Першлахты, где жила постоянно; скорее всего, сказку она переняла там.

понойского «стиха» про Йово и Мару как основы пинежской сказки «Моряжка» (ритмизации в ней нет, но элементы коллизии не оставляют сомнений в том, что это вариант щербининского перевода «Йово и Мары»).

В-третьих, за исключением утраченной водлозерской записи от старика В. В. Воробьева, остальные сделаны от женщин[30], причем в возрасте наличия детей и внуков, которым они и пели, и рассказывали. Скорее с этим, а не с распространенностью перевода Н. Щербины надо связывать упомянутое А. В. Марковым «распевание» детьми «былины» про Йово и Мару — «по книге „Пчела“»: не читали, не декламировали наизусть, а «распевали». Его предположение, что напев «кем-то был придуман и передавался от одних детей к другим», корректируют интервью и пометы собирателей к большей части записей: исполнительницы указывают, что сообщенный ими текст (прозаические формы — не исключение) прежде пелся, во всяком случае теми, от кого был перенят; см. реплику М. Лоскутовой к записанному от нее началу «песни»: «Да видь она сказка-бывальщина. Да видь она поется. Какая-то стара бабушка пела — Меньшикова Матрена Григорьевна».

Литература

Балашов — *Балашов Д. М.* Новые записи фольклора на побережьях Белого моря // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 418–421.

Ведерникова — Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост., примеч. Н. М. Ведерниковой. М.: Институт Наследия, 2003. 147 с.

Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. Л. VII–XLVIII.

Дранникова — Архангельские сказки: Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. 253 с.

Караџић — Народне српске пјесме, скупио их и на свјет издао Вук Стефановић Караџић. У Бечу, у штамп. Јерменскога манастира, 1841. Књ. 1, у којој су различне женске пјесме. 640 с.

Новиков, Смирнов — *Новиков Ю. [А.], Смирнов Ю. [И.].* Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956–1959 гг.) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 162–168.

Озаровская — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 451 с.

Онежские былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. LVI с., 1336 стб.

[30] Свидетельство усиления женской составляющей в исполнении эпоса и смены репертуарных приоритетов; и, как предположение, это могло способствовать переходу от сказывания к рассказыванию с постепенной утратой ритмизации.

Петров 2023 — *Петров А. М.* Сербский стих на русской почве: художественные переводы и фольклорные версии баллады «Йово и Мара» из собрания народных песен Вука Караджича // Зборник Матице српске за славистику. 2023. Књ. 104. С. 9–34. DOI: https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2023.104.1.

Петров 2026 — *Петров А. М.* Несколько поздних севернорусских записей сербской баллады о Йове и Маре: (Из архивов Карельского научного центра Российской академии наук) // Традиционная культура. 2026. Т. 27, № 2. С. 109–118. DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.008.

Смирнов 1965 — *Смирнов Ю. И.* Сербская баллада на Русском Севере // Советское славяноведение. 1965. № 6. С. 54–59.

Смирнов 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974. 264 с.

Смирнов 1987 — Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича / Пер. с сербскохорв. Сост., предисл. и примеч. Ю. Смирнова. М.: Худож. лит., 1987. 311 с.

Соколовы — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых, 1926–1928 (По следам Рыбникова и Гильфердинга): В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. 630 с.; 2011. Т. 2. 763 с.

Щербина — *Щербина Н.* «Йово и Мара»: Сербская народная поэма. М.: Тип. Каткова и К°, 1860. 18 с. [Отт. из: Русский вестник. 1859. Т. 29, кн. 2. С. 921–934].

References

Drannikova, N. V., ed. (2002). *Arkhangel'skie Skazki. Iz Materialov Laboratorii Fol'klora Pomorskogo Universiteta* [*Arkhangelsk Tales from Records Stored at Folklore Laboratory of Arkhangelsk University*]. Arkhangel'sk: Pomorskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 253 p. (In Russ.)

Petrov, A. M. (2023). 'Serbskii stikh na russkoi pochve: khudozhestvennye perevody i fol'klornye versii ballady "Iovo i Mara" iz sobraniia narodnykh pesen Vuka Karadzhycha' ['Serbian Poetry on Russian Grounds: Artistic Translations and Folklore Versions of the Ballad "Yovo and Mara" from Folk Songs Collection by Vuk Karadchych'], in: *Zbornik Matice Srpske za Slavistiku*. Vol. 104, 9–34. DOI: https://doi.fil.bg.ac.rs/pdf/journas/ms_zmss/2023-104/ms_zmss-2023-104-/pdf-p_10-34. (In Russ.)

Petrov, A. M. (2026). 'Several Late Northern Russian Recordings of the Serbian Ballad about Jovo and Mara (From the Archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences)', in: *Traditional Culture*. Vol. 27, 2, 109–118. (In Russ.)

Smirnov, Yu. I. (1974). *Slavianskie epicheskie traditsii: Problemy evoliutsii* [*Slavic Epic Traditions: Problems of their Evolution*]. Moscow: Nauka Publ., 264 p. (In Russ.)

Smirnov, Yu. I. (1987), ed. *Serbskie narodnye pesni i skazki iz sobraniia Vuka Stefanovicha Karadzhycha* [*Serbian Folk Songs and Tales from Collection Compiled by Vuk Stefanovich Karadzhych*]. Moscow: Khudozhestvennaia Literatura Publ., 311 p. (In Russ.)

Sokolov, B. M., Sokolov, Yu. M. (2011). *Neizdannye materialy ekspeditsii B. M. i Yu. M. Sokolovykh 1926–1928 (Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga)* [*Unpublished Materials of Expedition by B. M. and Yu. M. Sokolovs (Tracing Rybnikov and Gil'ferding)*]. Moscow: IMLI RAN Publ. Vol. 1, 628 p.; Vol. 2, 763 p. (In Russ.)

Vedernikova, N. M., ed. (2003). *Kenozerskie skazki, predaniia, bylichki* [*Kenozeskie Tales, Legends and Sprits Stories*]. Moscow: Institut Naslediia Publ., 147 p. (In Russ.)